

М.А. ОСТРЕНКОВА

Конструктивная функция сравнения в текстах стихотворений Н. Заболоцкого

Наряду с эстетической и гносеологической функцией сравнение может выполнять и конструктивную функцию, действие которой мы связываем со способностью сравнения участвовать в структурировании речевого материала в поэтическом произведении. Конструктивная функция сравнений, используемых Н. Заболоцким, обнаруживается в тех поэтических текстах, где, во-первых, сравнение обеспечивает реализацию приёма антитезы; во-вторых, сравнение выступает в роли конструктивного элемента, формирующего повествовательность текста или создающего форму неявного рассуждения.

Примеры поэтических текстов, где сравнения выступают в роли ключевых конструктивных средств, способных формировать текст определённого функционально-смыслового типа речи, единичны, и каждый пример демонстрирует своеобразие «композиционных» возможностей сравнения.

В стихотворении Н. Заболоцкого «Голос в телефоне» (1957 г.) метонимическим обозначением лирической героини становится её голос:

*Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.*

*А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши*

<...> [1. С. 284].

Из трёх строф стихотворения процитированы две, в которых используются пять сравнений, характеризующих голос во всём его эмоциональном разнообразии, и в то же время пять сравнений – это маленькое лирическое повествование, заданное временными рамками *раньше / потом*. Динамика сюжетных действий создаётся, конечно, не самой формой сравнения, а её лексическим наполнением. Изменение эмоциональной окраски звука, исчезновение звука отражены в последовательности семантически соотнесённых по признаку `звук` слов *звонкий, птица, родник, звенел, рыданье, прощанье*, которые образуют контекстуальный градационный ряд с регрессией семантического признака `радость` эмотивной семы, имеющейся у этих слов. (Названные слова выступают в роли композиционных элементов лирического повествования). Повествовательность текста стихотворения «Голос в телефоне» формируется и отглагольными существительными *страданье, прощанье*, являющимися

опорными словами образных сравнений во второй строфе, которые (существительные) формально образуют переносный (метафорический) план, имплицитно обозначая действия прямого плана и одновременно характеризую эти действия.

В стихотворении Н. Заболоцкого «О красоте человеческих лиц» (1955 г.) сравнение становится конструктивным элементом кольцевой композиции текста. Сравнения и метафоры, используемые автором, участвуют в реализации образного представления *лицо – строение*. Сравнения первых 8 строк и 4 последних, на наш взгляд, создают в поэтическом тексте композиционное «кольцо»: *лица, подобные пышным порталам; лица – подобия жалких лачуг; лица / Закрыты решётками, будто темница; Другие – как башни; лица – подобья ликующих песен*. Эти сравнения образуют план общих наблюдений (думаем, вправе сказать «рассуждений», так как каждое сравнение вводит своеобразный тезис, аргументацией которого может быть признан мотив в каждом компаративном тропе – мотив, который легко эксплицируется, благодаря оценочным метафорам *пышный, жалкий, закрытый* и метонимии *ликующий*). Детализация образного представления *лицо – строение* в 9-11 строках продолжается с помощью метафоры:

*Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыханье весеннего дня*

[1. С. 278].

Метафора, в отличие от сравнения, может существовать в речи (быть реализованной) и без прямого обозначения предмета переименования. Использование метафоры как способа семантически смещённого обозначения предмета переводит размышления в иносказательный план. Иносказательность помогает автору «сохранить в тайне» предмет речи, интимизировать высказывание, вносит эмоциональное напряжение в монолог лирического героя. Сравнения заключительных строк вновь выводят лирическое высказывание из камерного ключа в план общих наблюдений. Так, сравнения, организующие план общих наблюдений, обрамляют часть текста, представляющую собой развёрнутую метафору любви.

В стихотворении 1958 г. «Ласточка» сравнение *душа моя касаткой / В отдалённый край летит* становится исходным элементом последующей тропеизации: форму творительного сравнения сменяет союзное сравнение *Реет, плачет, словно птица*, затем появляется персонификация *Слабым клювиком стучится / В душу бедную твою* и завершает ряд обратимых тропов аллегория *Горько ласточка рыдает* ('душа тоскует'). Сравнение выполняет в тексте стихотворения не только эстетическую функцию (образно характеризует душевное состояние лирического героя), но и конструктивную: организуя второй, метафорический, план лирического повествования, где сравнение и производные от него тропы развивают тему любви и памяти. Отказ от прямого способа выражения чувств создаёт эмоциональное напряжение текста, возникающее из-за невозможности

вернуть любимого человека; лирический герой словно обращается за поддержкой к сказочно-аллегорической форме, понимаемой как гипотетическое «если б...». Вытеснение реального плана метафорическим (заключительные четыре строки) создаёт эффект полной переключённости лирического героя на сферу чувств, а бытовые детали *На дверях висит замок; Догорело в лампе масло* удерживают метафорический образ на предельно допустимом расстоянии, чтобы он не стал символическим и не утратил эмоциональности.

Текст стихотворения «Сентябрь» (1957 г.) – ещё один пример такой организации поэтического текста, когда сравнение переводит действие в метафорический план, который, в свою очередь, развиваясь самостоятельно, становится главным:

*Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.
Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.
Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице [1. С. 311]*

Композиционное своеобразие данного текста обусловлено взаимодействием двух обратимых образных представлений: *дерево – девушка* и *девушка – дерево*. Ряд референциальных превращений открывает сравнение *Словно девушка, вспыхнув, орешина / Засияла в конце сентября*. Следующая строфа вызывает напряжение по причине двусмысленности, возникающей из-за неопределённости субъекта сравнения *золотой, как огонь* (он появляется лишь в последней строчке – «*девушка*»), и сравнение *словно деревце, зыбкую / Молодую царевну в венце* завершает развитие темы. Композиционное своеобразие текста, на наш взгляд, обусловлено именно семантической соотнесённостью сравнений, создающих пересекающиеся образы.

Как было отмечено, развитие темы завершается разработкой второго, метафорического плана. Становясь главным, метафорический план тем не менее не становится «реальным»; иллюзорность, вымышленность образа девушки создаётся не только сказочно-поэтическим выражением *царевна в венце*, но и словами с доминирующими семами цвета и блеска: «золотой, как огонь», «гранатовой», не имеющими, на наш взгляд, опоры в денотате определяемого слова «девушка» (ср.: цветовая характеристика портретных деталей: *гранатовые губы, золотая, как огонь, кожа*), а создающими лишь экспрессивно-эмоциональный ореол предмета речи.

Тексты стихотворений «Лесное озеро» (1937 г.) и «Гроза» (1946 г.) демонстрируют ещё один способ организации речевого материала в

художественном тексте с помощью такой разновидности сравнительной конструкции, как конструкция с присоединительным приравнения. К. Шимкевич в статье «Роль уподобления в строении лирической темы» рассматривает присоединительное приравнение как один из приёмов организации двух семантических планов поэтического образа: основного и метафорического, а также выявляет особенности взаимодействия этих контекстуальных планов: метафорический образ, создаваемый приравнением с **так**, не только актуализирует наглядные признаки реалии первой части, но и развивает уже на метафорическом уровне само действие.

В стихотворении «Лесное озеро» появляется следующая двухчастная конструкция с «присоединительным приравнения»:

*Бездонная чаша прозрачной воды
Сияла и мыслила мыслью отдельной.
Так око больного в тоске беспредельной
При первом сиянье вечерней звезды,
Уже не сочувствуя телу больному,
Горит, устремлённое к небу ночному*

[1. С. 192]

В данном тексте присоединительное приравнение устанавливает «параллелизм жизни, поступков, переживаний человека и мира природы» [6. С. 253] и, что особенно значимо для поэта, параллелизм мыслей, различных видов одухотворённости, свойственных как человеку, так и природе. Так, в стихотворении «Лесное озеро» основной и метафорический планы двухчастной конструкции с **так** обнаруживают стремление к объединению, которое становится реальным благодаря наличию собственно языковых и структурных показателей в обеих частях присоединительного приравнения и устанавливается логикой внутреннего развития мысли всего стихотворения: «озеро в «Лесном озере» гениальнее, чем окружающая его труппа» [2. С. 245]. К таким языковым показателям мы относим метафорический перифраз *бездонная чаша прозрачной воды* и сочетание *око больного*, которые семантически соотнесены не только по признаку `форма`, но и по значению `часть целого`, уточним, одухотворённая часть «застывшего» целого (на такое прочтение ориентирует и окказиональное сочетание «отдельная мысль»), где «застывший» можно интерпретировать как `несвободный`, `нетворческий`, `неразвитый`, `негибкий`. Выбор *ока* как одухотворённой части косного/больного целого/тела неслучаен. (В поэтическом идиолекте любого поэта есть слова, играющие роль концептуальной доминанты, которые заявляют о себе не столько частотой употребления, сколько семантическим «весом» в поэтических текстах автора. К таким словам, имеющим сильную позицию в текстах Н. Заболоцкого, мы относим слово «око».) В поэме «Безумный Волк» (1931 г.) Волк, герой – мечтатель, учёный – исследователь, хочет сделать свою шею вертикальной (*Я закажу себе станок для вывёртывания шеи*), чтобы **наблюдать** небо, чтобы **видеть**, как

сияет – Чигирь, волшебная звезда). В «Лесном озере» *око <....> горит, устремлённое к небу* ночному.

В этом стихотворении, как и в других произведениях Н. Заболоцкого (разных творческих периодов), одной из ведущих, организующих семантическое пространство текста является оппозиция *верх / низ*. По мнению Ю.М. Лотмана, «верх» у Заболоцкого соотнесён с идеей творчества, созидания, одухотворенности. В основной части двухчастной сравнительной конструкции понятие верха актуализируетсяokkaзиональной семантикой лексем «животворная» (вода), «источник правды», «целомудренная» (влага), тавтологического оборота «мыслила мыслью», в метафорической – сочетание «устремлённое к небу» реализует прямое значение направленного вверх движения. Таким образом, абстракция творческой, одухотворенной мысли (первая часть двухчастной конструкции с присоединительным приравнением) обретает во второй части материальную конкретность (благодаря наглядности параллельных образов *око – небо* и наблюдаемости действий *гореть, устремлённый*). Семантическому объединению основного и метафорического планов присоединительного приравнения способствует и то, что за второй частью следует развитие основной темы поэтического повествования, начинающееся союзом **и**.

Текст стихотворения «Гроза» представляет собой двухчастную конструкцию, вторая часть которой с местоименным наречием «так» устанавливает метафорический параллелизм с образами основной части. В данном случае для развития мысли о том, что одухотворённая красота «созидается в творческих муках» [4. С. 95], и оформления метафорического образа грозы Заболоцкий использует во второй части присоединительного приравнения в качестве образной сюжетной основы миф о рождении Афродиты:

*Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада* [1. С. 197].

Семантические отношения основной и неосновной частей анализируемой присоединительной конструкции достаточно интересны. Несмотря на то, что часть с *так* содержит параллельный, метафорический по отношению к главной части текст, граница между двумя смысловыми планами нивелируется по причине повторяемости реалий и их номинаций в обеих частях (например, *туча, облако, трава, гром, мир – просторы круга земного*); текст прочитывается как единое семантическое целое. Присоединение в тексте выполняет не столько функцию образной иллюстрации основной темы (эстетическую – поэт не просто одушевляет природу), сколько функцию гносеологическую, связанную с трансляцией собственно логической информации («он прозревает в ней почти волевою способностью к одушевлению» [3. С. 38]). Метафорические смыслы и образы становятся проводниками «любимейшей» мысли Заболоцкого-поэта, Заболоцкого-философа:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык ...*

[5. С. 128]

На примере поэтических текстов стихотворений Н. Заболоцкого мы попытались доказать, что сравнение как компаративный троп и тропеическая компаративная конструкция способны в художественной речи выполнять, кроме ведущей – эстетической – функции, функцию конструктивную, действие которой мы связываем, прежде всего, со способностью сравнения выполнять роль структурно-организующего элемента текста определенного функционально-смыслового типа речи (повествования, рассуждения, описания), характерные признаки которого не прямо, не непосредственно представлены (обнаруживаются) в поэтическом тексте, а имплицированы в системе образов, их взаимодействии, их развитии.

Библиографический список

1. Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 655 с.
2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 848 с.
3. Павловский А. И. Советская философская поэзия. Л., 1984.
4. Ростовцева И.И. Николай Заболоцкий. М.: Советская Россия, 1976. 120 с.
5. Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1986.
6. Шимкевич К. Роль уподобления в строении лирической темы // Поэтика: Сб. статей. Л., 1927. С. 44-54.